

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

*А.Н. МЕДУШЕВСКИЙ***Право и социальная мобилизация
в тоталитарном обществе:
“Всенародное обсуждение”
Конституции СССР 1936 года***

“Всенародное обсуждение” Советской Конституции 1936 г. может интерпретироваться как искусно организованная и проведенная PR-акция, результатом которой стала радикальная трансформация сознания советского общества. Конструирование новых социальных стереотипов, основанное на интенсивной информационной кампании, сопровождаемой террором, создало каркас советской правовой и политической системы. Изучение этого эксперимента направленной социальной инженерии важно не только для теоретического и исторического понимания сталинизма, но и для реконструкции когнитивных методов и манипулятивных технологий тотальной власти в целом.

Ключевые слова: сталинизм, номинальный конституционализм, социальная мобилизация, PR-технологии, пропаганда, информация, манипуляция, тотальная власть.

“Всенародное обсуждение Конституции” – уникальная акция политического пиара, создававшая иллюзорную картину мира, но позволявшая осуществлять реальный контроль и доминирование. Идеология была трансформирована в право, а последнее получило гибкую интерпретацию в интересах власти. Общая идея “всенародного обсуждения”, как оно было задумано И. Сталиным, – скорректировать несостоятельный коммунистический миф таким образом, чтобы, во-первых, сохранить его как легитимирующую основу режима; во-вторых, ограничить его деструктивный потенциал в условиях социального кризиса; в-третьих, обеспечить задачи социальной мобилизации и управления; в-четвертых, продемонстрировать единство общества и власти (“всенародная поддержка” режима); в-пятых, использовать данную акцию для борьбы с реальными и предполагаемыми оппонентами режима [Медушевский 2010].

Кампания планировалась и осуществлялась в масштабах всей страны, была направлена на все значимые группы населения, а методом ее проведения становилось выстраивание особой системы коммуникаций – регулируемых “обратных связей” между обществом и властью. “Всенародное обсуждение” было продуманной и хорошо организованной акцией, последовательно осуществлявшейся параллельно с работой Кон-

---

* Статья написана в рамках научного проекта (№ 15-01-0014), выполненного при поддержке Программы “Научный фонд НИУ ВШЭ” в 2015–2016 гг.

ституционной Комиссии в течение пяти месяцев¹ (Ф. 7523. Оп. 131. Д. 1. Лл. 17–20). В нем приняли участие более 36,5 млн человек. В ноябре 1936 г. Отделом Президиума ЦИК СССР было учтено 43 427 предложений и поправок к проекту Конституции СССР. “Наибольшее количество предложений и поправок внесено в гл. 1 “Общественное устройство” (1061), гл. X – “Основные права и обязанности граждан” (6354); и 11 – “Избирательная система” (3.014)” [Предложения... 1936]. Кампания должна была продемонстрировать не только лояльность режиму, но и искусственно стимулировать общественный подъем через массовые акции и собрания и обеспечить мобилизационные цели, рост производительности труда) (Ф. 3316. Оп. 40. Д. 12. Л. 170)².

О серьезности отношения к кампании властей свидетельствует тот факт, что для ее осуществления были мобилизованы административные ресурсы всех советских и партийных институтов, Техническое проведение “обсуждения” и анализ его итогов осуществлял ЦИК СССР, его Президиум и лично М. Калинин, а за четким выполнением всех инструкций внимательно наблюдал секретариат (Секретарь ЦИК СССР И. Акулов) (Оп. 8. Д. 222. Л. 33). Аналитическая деятельность проводилась Орготделом Президиума ЦИК СССР, который обобщал информацию, поступающую из различных источников (Оп. 8. Д. 222. Л. 25). Приоритетные задачи кампании четко отражены в принципах и критериях отчетности, разработанной аппаратом и затребованной от всех центральных и местных учреждений (Оп. 8. Д. 222. Л. 37). Был создан специальный документ – “Схема информационной отчетности о всенародном обсуждении проекта Конституции СССР, совета, района, республики” (Оп. 8. Д. 222. Лл. 38–40). Жестко формулировались требования регулярной отчетности и санкции за ее неприсылку (Оп. 8. Д. 222. Л. 92). В качестве стимула активности местных властей решено было “возложить персональную ответственность за руководство всенародным обсуждением проекта Конституции СССР и обобщение поступающих предложений и дополнений к нему лично на председателей советов и исполкомов” (Оп. 8. Д. 222. Л. 34). Особое внимание обращалось на процент вовлеченного населения и статистическую динамику поступающих от него предложений и дополнений к проекту Конституции (Оп. 40. Д. 17); дифференциацию повторяющихся и неповторяющихся предложений (Оп. 40. Д. 17. Л. 1); вкладу кампании в решение мобилизационных целей (Оп. 8. Д. 222. Лл. 21–22). Статистические данные по этим вопросам регулярно обобщались в сводных справках, раскрывающих динамику изменений за несколько месяцев (Оп. 8. Д. 222. Лл. 25–27).

Отмечавшиеся дисфункции в проведении обсуждения показывают, чего опасались и хотели избежать организаторы кампании. В директивных документах стоял вопрос не только о количестве, но и о качестве обсуждения – степени интенсивности вовлечения населения в имитационные мероприятия (Оп. 8. Д. 222. Лл. 28–32). С целью исправить упущения в регионах организаторами были проведены особые ревизионные кампании на местах (Оп. 8. Д. 222. Л. 45). Жестко пресекались как отступления от санкционированных установок (Оп. 8. Д. 222. Лл. 47–48), так и пассивность в их проведении (Оп. 40. Д. 11. Лл. 212–228). Очевидно, что мощный идеологический прессинг Центра обеспечил механическое расширение “обсуждения”, но одновременно вел к припискам, демонстрировавшим псевдоактивность и лицемерное славословие местных властей (Оп. 8. Д. 222. Лл. 65–73). Это, как минимум, дает повод сомневаться в единстве “всенародной поддержки” Конституции населением, значительная часть которого, по-видимому, смутно представляла смысл и значение обсуждаемых вопросов, однако убеждает в общем успехе данной кампании как акции политического пиара.

В отличие от чисто пропагандистских кампаний, здесь была принята формула пиар-акции: не монолог, а диалог, формирование новых коммуникаций, известное выстраивание “обратных связей”. С позиций теории пиара в этой кампании присутствовали все его основные разновидности – пиар проектный, приуроченный ко времени принятия

¹ Здесь и далее все отсылки на архивные материалы даются по фондам ГА РФ (Ф. – номер фонда, Оп. – опись, Д. – дело, Л. – лист).

² Далее везде Фонд 3316 не указывается.

Конституции, и повседневный, не ограниченный во времени и носящий мобилизационный характер; пиар “антикризисный” в условиях стресса, вызванного “враждебными силами”, и рутинный, допускавший планирование в силу подконтрольности ситуации; пиар событийный, новостное освещение в СМИ, и сенсационный: новость, автоматически привлекающая внимание общества. Советская сенсация заключалась в декларируемой способности диктатуры добровольно пойти на ограничение власти путем принятия концепции всеобщих демократических выборов.

Заказчиком пиар-кампании выступало государство, целевой группой – все общество, медиатором – огромный аппарат идеологических работников, направленно воздействовавших на различные группы общества не только через официальные СМИ, но и через систему различных неформальных коммуникаций. Предстоит выяснить: как и почему эти технологии когнитивно-информационного манипулирования оказались столь успешными?

Конструирование мифа о “советском государстве” внутри СССР

В процессе “обсуждения” была реализована цель обретения обществом новой идеологической идентичности. Когнитивный поворот заключался в примирении противоположных идей: коммунизма и сохранения государства. Задача решалась введением формулы “социалистического государства”, которая, создавая иллюзию движения к коммунизму, позволяла сохранить представление о планомерности этого перехода и аутентичную форму диктатуры как инструмента достижения утопической цели. С этим связаны схоластические дебаты о форме данного государства и поправки к ст. 1 проекта Конституции. Одни предлагали предельно общую формулу: “Социалистическое государство советского народа”; другие настаивали на ее классовой конкретизации: “государство трудящихся”; третьи шли еще дальше в определении социальной опоры данного политического образования: “социалистическое, нового типа, государство рабочих и крестьян”. Неуверенность в отношении крестьян выражена в предложениях заменить слово “крестьянин” словом “колхозник” или “трудящийся социалистического земледелия”. В некоторых предложениях сделана попытка отразить все социальные группы общества: “СССР – социалистическое государство рабочих, крестьян, колхозников, интеллигенции, всех трудящихся, трудового народа, трудящихся всех наций, братства и содружества народов, коммунистических республик” (Оп. 41. Д. 205. Лл. 3–34, 6).

Другая проблема – наполнение юридическим содержанием эвфемизма о советском государстве, которое продолжало оставаться диктатурой. Она решалась манипуляциями с термином “советский строй”. Советы выступали “государственной формой диктатуры пролетариата”, однако вместо термина “советы депутатов трудящихся” предлагался новый – “советы народных депутатов” (Оп. 40. Д. 11. Л. 2). В этом контексте обращают на себя внимание попытки конституционно закрепить однопартийный характер государства, связав возникновение “государства трудящихся” с “руководством коммунистической партии” и ее вождей (Оп. 40. Д. 16. Л. 2). Отказ от принятия подобных формул в окончательном тексте Конституции связан с опасением демистифицировать квазидиктаторский характер партийного господства, определить его в категориях права и, тем самым, избежать неудобного гипотетического вопроса о правовых ограничениях такого господства и статуса вождей.

Третьей проблемой стала легитимация данного строя, возникшего в результате революционного переворота. Одни подчеркивали исторический аспект его легитимности – “государство, созданное рабочими и крестьянами в интересах всех трудящихся” с прямой отсылкой к Октябрьской революции 1917 г., другие – интернациональный: коммунистическое братство народов мира или государство “всех рас и национальностей, населяющих территорию СССР”, третьи – телеологический: государство, “ставящее конечной целью организацию коммунистического общества”, или идеологический: приверженность партии (Оп. 40. Д. 11. Л. 1), “охват прошлого, настоящего и будущего СССР” как основы всемирной Федерации (Оп. 41. Д. 205. Лл. 3–34, 6). В официальной

лексике, напротив, коммунистическая риторика приобретала скорее церемониальный и символический характер, а реализация ее идей отодвигалась на неопределенное будущее. Атмосфера дисциплинированного энтузиазма выражалась в неопределенно-восторженных ожиданиях того, “что невозможно выразить словами” (Оп. 41. Д. 205. Лл. 86–88).

Вопросы собственности и основные целевые группы социального пиара

“Всенародное обсуждение” как форма социального пиара было направлено на формирование и поддержание модели социального контракта, которая, наподобие Левиафана Т. Гоббса, означала принятие диктатуры в обмен на социальную стабильность. Эта модель, при всех ее ограничениях, предполагала преодоление революционной анархии, стабилизацию отношений собственности и определенные уступки основным целевым группам – крестьянам, рабочим, служащим.

Конструирование социальной структуры шло по линии ее унификации и отмены жесткой классовой стратификации, доминировавшей в предшествующих советских конституциях. Идеологический тезис о конституции “победившего социализма”, провозглашение перехода к всеобщим выборам и отмена классовых ограничений в избирательной системе, в сущности, обозначал этот вектор “социалистической демократии”. В данном контексте понятны предложения объявить СССР “социалистическим государством” или “бесклассовым социалистическим государством всех трудящихся города и деревни, без различия национальности населения территории СССР”. Предлагалось даже убрать из Конституции понятия “рабочих и крестьян”, чтобы не дать фашистам повод «для представления нашего государства, как государства “плебейского”» (Оп. 41. Д. 77. Лл. 1–3, 18, 24, 28). В сводках обобщен большой корпус предложений, определяющих СССР как “государство трудящихся”, “всех трудящихся”, или рабочего класса и интеллигенции (Оп. 41. Д. 93. Лл. 1–3). Предложения отказаться от классовой идентификации характерно для людей, которые формально не могли отождествить себя ни с одним из титульных “классов”, прежде всего для широкой социальной категории, официально определявшейся как “служащие”, включавшие как партбюрократию, так и интеллигенцию. Некоторые из них предпочитали именовать себя “слугами народа” (“Правда”, 14 июня 1936), но другие увидели в данной категории дискриминацию собственного положения (Экономическая жизнь, 20 июня 1936), считая, что слову “слуга” не может быть места “не только в Конституции, но и нашем советском лексиконе” (Оп. 40. Д. 15. Л. 62). Стремление закамуфлировать партийную номенклатуру неопределенным понятием “служащих” не укрылось от внимания авторов критических поправок, обличавших быт советских руководителей, использование ими прислуги, что определялось как “форменная эксплуатация” (Оп. 41. Д. 77. Лл. 32–34, 95–96). Борьба интеллигенции за место под солнцем закончилась поражением, ибо, согласно разъяснению Сталина, в советском обществе есть только два класса – рабочих и крестьян, а “интеллигенция никогда не была и не может быть классом, она была и останется прослойкой, рекрутирующей своих членов среди всех классов общества” [*Сталин* 1936, с. 87)].

Презумпция социального равенства определяла границы дискуссии о собственности. Неопределенность ключевого, но юридически бессмысленного понятия “общественная собственность” заставляла искать коррективы в эвфемизмах – “государственная собственность”, “собственность добровольных общественных организаций”, “личная собственность” – права индивида на владение определенным имуществом. Обсуждение прав собственности на землю включало два противоположных вектора – уравнительно-распределительный и индивидуалистический. Первый означал, что “частной собственности совсем не должно существовать” (Оп. 41. Д. 77. Лл. 32–34, 52), а “земля за единоличником закрепляется не навсегда” и может быть отобрана тогда и там, где администрация “найдет нужным” (Оп. 40. Д. 18. Л. 17). Второй вектор выражал стремление к расширению индивидуальной хозяйственной деятельности: ожидание передачи земли колхозникам в вечное “трудовое пользование”, “упразднения чрезполосицы”,

закрепления “прав рабочих и служащих на дом и приусадебный участок, а также на продуктивный скот и птицу для личного пользования”, права “продавать свои изделия на рынке” (Оп. 40. Д. 11. Лл. 5, 7–9). Выражалась надежда, что “хозяйствам единоличных крестьян государство передаст землю во временное пользование” (Оп. 40. Д. 93. Л. 9).

Официально санкционированная трактовка общественной и кооперативной собственности вызвала неожиданную реакцию населения. Часть крестьянства восприняли обсуждение Конституции как признак роспуска колхозов, передачу им земли в индивидуальное пользование и отмену жесткой регистрации (Оп. 40. Д. 14. Лл. 36–37). “Я, – заявлял крестьянин, – не хочу быть в колхозе, а мне не дают справку, а без справки нигде не принимают на производстве. Какая может быть для меня свобода? Дайте ответ”. Его не устраивали обязательства перед колхозами, устанавливавшие такой порядок, при котором “самое лучшее зерно государству, а себе остаток, мусор, гнилье и всякие отбросы”. “Мы всё, – писали крестьяне, – со слезами отдали в колхоз: лошадь, телегу, борону и весь инвентарь. Получаем по трудодням”. “Нас, колхозников, весьма интересует, как будет обстоять дело с колхозами. Или колхозы останутся как государственные работы?”. Используя политическую риторику о социальной справедливости, крестьяне просили уравнивать их в правах с пролетариями: “...чтоб свободный выход был из колхоза и вход в колхоз, чтобы не было никаких препятствий со стороны служащих и граждан, если нет за ними никакой вины или задолженности” (Оп. 40. Д. 14. Лл. 69–70, 84). Среди “враждебных предложений” (по официальной классификации конституционной комиссии) наиболее часто фигурировали требования отмены принудительного труда и произвола местной администрации: “..нужно, – считали крестьяне, – отменить принудительный труд”. Ведь по Конституции “у нас уничтожена эксплуатация человека человеком. Это очень хорошо сказано. Но всем тем, и всеми теми правами, которыми пользовались кулаки, помещики и спекулянты, теперь пользуется наше правительство. Все это разве не спекуляция, разве не эксплуатация?” (Оп. 40. Д. 14. Лл. 68–69).

Воспользовавшись конституционным положением о защите прав “социалистической собственности”, крестьяне выступили с прямой критикой существующих порядков. Например, группа “трудящихся-единомышленников” спрашивала, от кого собственность “охраняется законом”: “от грабежа ли бандитов, от насильственных ли присвоений или от средьбелодневного грабежа местной властью”? (Оп. 41. Д. 77. Лл. 38, 47–49). «Собственность в капиталистических странах, – заявляли крестьяне, объявленные в сводке “кулаками”, – охраняется лучше, чем социалистическая собственность, а также лучше охраняется и частная собственность», – у нас же “власти, когда им вздумается, могут у граждан забрать все” (Оп. 8. Д. 222. Л. 140). Инструментом защиты собственности авторами поправок признавалось предоставление “наследователю завещать свое имущество кому угодно, в чем бы таковое не заключалось” (Оп. 41. Д. 77. Л. 60).

Права и обязанности: ограничение и подмена понятий на семантическом уровне

Наряду с конструированием новых понятий, политический пиар включает направленную интерпретацию их смысла вплоть до когнитивной его подмены. Именно так произошло с трактовкой прав. Баланс конституционного соотношения прав и обязанностей определялся господствующей идеологией, но его обсуждение выявляло различные модуляции. Безусловный приоритет социально-экономическим правам позиционировался как основное реальное завоевание советского режима и его главное отличие от оппонентов – формальных “буржуазных” демократий. Данный идеологический мейнстрим выражался в блоке утопических и вполне конкретных предложений по расширению и конкретизации социальных прав. Поскольку речь шла об унификации гражданских прав в рамках “государства всех трудящихся”, предполагалось распространение на них равных гарантий, трудовых прав и социальных гарантий, куда входило решение вопросов трудоспособности, продолжительности и условий труда, пенсионного обес-

печения, закрепление в Конституции права на материальное обеспечение в старости, по болезни, по потере трудоспособности и предоставление бесплатной медицинской помощи (Оп. 8. Д. 222).

Существенное внимание обращалось на всеобщее образование, медицинское обслуживание, обеспечение инвалидов и помощь престарелым родственникам (Оп. 41. Д. 94. Т. II). Неоднократно ставился вопрос о конституционном закреплении равенства полов – уравнивании женщин с мужчинами в правах, а также защите прав матери и ребенка (Оп. 40. Д. 18. Л. 129). Все эти предложения не выходили за рамки официально санкционированной повестки дня, хотя иногда предлагали неконвенциональную расшифровку ее положений (например, прямое введение коммунизма – равенство в зарплате и распределении питания, отмену спекуляции жильем или, напротив, отмену принудительного труда) (Оп. 8. Д. 224). Представлен ряд предложений по ужесточению контроля за распределением ресурсов (в основном в уравнительном смысле). Среди них достаточно много рекомендаций не юридического, а воспитательно-назидательного и символического характера, отражающих скорее общую политическую неискушенность масс (Оп. 8. Д. 224).

В условиях тотального государственного контроля над обществом интерпретация общедемократических политических прав была подвержена особенно жесткой цензуре и самоцензуре. Ритуализация обсуждения этих вопросов не исключила, однако, проявления независимых позиций как раз по вопросам, актуальным в условиях сворачивания демократии. Ими стали свобода слова и совести, отстаивание которых выражало прежде всего неприятие частью населения атеистической деятельности. Если одни участники обсуждения считали возможным допустить свободу слова только “в интересах Советского государства”, что вполне соответствовало официальной позиции, то другие предлагали распространить данное право на все проявления гражданской активности, “кроме всякой проповеди расовой или национальной исключительности или ненависти и пренебрежения, а также кроме религиозной пропаганды” (Оп. 40. Д. 11, Л. 192).

Наконец, часть участников обсуждения, как правило, крестьян, требовавших роспуска колхозов, земли и права на ведение единоличного хозяйства, старались использовать эту акцию для защиты прав верующих от произвольных действий местных советов. Они надеялись на возврат к старым порядкам – открытию церквей, регистрации священников и возврату отнятого в ходе коллективизации имущества – земли, скота и инвентаря (Оп. 40. Д. 12. Л. 170). Основанием для таких надежд стал тезис официальной пропаганды о равенстве гражданских и избирательных прав и отмене института “лишенцев” в связи с ликвидацией антагонистических классов. От православного духовенства митрополит Казанский Серафим Александров в послании на имя Калинина “выражал вождю народов, партии и правительству свою безграничную благодарность за заботу и доверие”, выразившиеся в предоставлении прав гражданства служителям культа и в особенности их детям (Оп. 8. Д. 222. Л. 16). Свобода совести увязывалась с предоставлением избирательных прав духовенству – возвращением права голоса для служителей культа и членов их семей – лишенцев (Оп. 41. Д. 93. Л. 37). Эта позиция вполне понятна на фоне воспроизводившихся требований “лишить избирательных прав служителей религиозных культов, бывших помещиков, фабрикантов, жандармов, служащих полиции” (Оп. 8. Д. 222).

Вопреки стремлению режима максимально ограничить права населения на свободу передвижения и выбора места жительства (введение паспортов, прописки, административного принуждения), именно эти права стали предметом внимания участников “всенародного обсуждения” – прежде всего крестьян, стремившихся выйти из колхозов и переехать в города. “Граждане СССР, – полагали они, – имеют право свободного избрания местожительства и передвижения по всем городам и населенным пунктам СССР, исключая преступный элемент, осужденный судом, и пограничную полосу, где действует особое положение” (Оп. 41. Д. 78, Л. 15). Некоторые наиболее отчаянные участники дискуссии шли еще дальше по этому пути, предлагая закрепить свободу граждан за границу. В письме бывшего красного партизана и командира Э. Биркенбаума от

7 июля 1936 г. предлагается выбросить из ст. 133 Проекта положение, приравнивавшее несанкционированный выезд за границу с “переходом на сторону врага”. “Это неприлично, – говорил он, – выставлять понятие, что всюду за границами СССР есть только враги трудящихся. Ведь это неверно. Там есть и трудящиеся и много больше, чем врагов. И если граждане СССР, любители путешествовать в разных странах, переходят границу, и их будут убивать за это как за самое тяжкое злодеяние, то СССР вовсе не кажется отечеством трудящихся, а будет отечеством современных людоедов” (Оп. 40. Д. 12. Л. 66). Вероятно, аналитики сталинской комиссии долго размышляли, чего здесь больше – наивности или контрреволюционного умысла, но можно предположить, что судьба красного командира сложилась трагически.

Проблема соотношения прав и обязанностей решалась по линии усиления государственного контроля над гражданами. Именно в этот период складывается специфическая советская трактовка прав, существующих лишь постольку, поскольку они обусловлены обязанностями. Право на труд и на отдых означает обязанность трудиться и не допускает безделья и “тунеядства”; свобода слова – обязанность славить советское государство; свобода совести – вести атеистическую пропаганду, и т.д. Иной стороной той же логики стало стремление представить обязанности в качестве прав. Характерен, например, призыв заменить понятие “всеобщая воинская повинность” понятием “почетная обязанность” (Оп. 8. Д. 222). Данная трактовка прав и обязанностей вытекала из коммунистической идеологии, предполагавшей, что с созданием “нового человека” разделение прав и обязанностей утратит свое значение, ибо будет регулироваться не правовыми, а этическими нормами коммунистического сознания.

В рассматриваемый период эта идеологизированная трактовка прав, конечно, навязывалась обществу государством, но было бы неверным считать, что она не вызвала сочувствия известной части населения. Иногда его представители шли даже дальше устремлений власти, предлагая рассматривать права как привилегии или поощрения за лояльное поведение. В некоторых предложениях предоставление прав или их изъятие рассматривались как чисто полицейские мероприятия: «Для уточнения правил социалистического быта – для взаимоуважения граждан СССР, – полагал один из участников дебатов, – каждый полноправный гражданин СССР (в противовес “лишенцам” по суду) имеет право носить нагрудный “знак полноправного гражданина СССР”, с указанием возраста и подписью “СССР – солнце коммунизма”, а также упоминанием классиков марксизма». “Цель: сразу видно, что – не преступник. Виден возраст. Младшие будут уважать старших”. Другие предлагали ввести особый “медицинский паспорт” каждого гражданина для пользования медпомощью и получения страховок и т.п. (Оп. 41. Д. 78. Л. 20). Это стремление досконально регламентировать все нюансы социальных и политических прав, выразить их в разрядах, степенях доступа к материальным благам и добиться их максимальной визуализации выражало общую тенденцию к стратификации и иерархизации сталинского режима.

“Советский федерализм” как форма национальной и политической интеграции

В обсуждении проблематики советского федерализма прослеживаются сдвиги, произошедшие со времени революции в направлении унитаризации государственного устройства. Утопическая ленинская идея о снятии национального вопроса путем федерализации страны по национальному принципу не могла быть поставлена под сомнение без разрушения легитимирующей основы режима. Поэтому новый Основной закон не отказался от конфедеративной идеи права наций на самоопределение, воспроизведя формулу о сессии предшествующей Конституции 1924 г. Однако в ходе обсуждения идея обеспечения государственного единства получила явный приоритет.

Опираясь на коммунистические принципы, вывод о создании бесклассового общества и идею “советского патриотизма” в качестве антитезы “национальному”, мотив унитаризма знаменовал усиление централистского политического вектора. Было вы-

двинуто предложение “не записывать в новую конституцию (17-ю статью) о сохранении за республиками права свободного выхода из СССР”. С этих позиций предлагалось решать вопросы, связанные с входждением и выходом республик, соотношением республик и автономий, изменением их статуса, проведением всенародных опросов (референдумов), структуры организации власти (Оп. 40. Д. 11. Л. 21). Концепции “советского патриотизма” оказалась созвучна идея эмиграции о возрождении “единой и неделимой России”, представленная в ряде предложений. «Слово “федерация” в названии РСФСР (ст.13), согласно ее сторонникам, – является грубейшей и недопустимой ошибкой. Пора уже исправить эту безграмотность, возникшую в начале революции от небрежного употребления этого слова» (Оп. 41. Д. 78. Лл. 5–5об).

Данный подход требовал переосмысления бикамерализма в его специфической советской трактовке. Существование особой палаты Верховного совета – Совета национальностей – ставилось под сомнение по принципиальным и техническим причинам. Во-первых, потому, что представительство национальностей в этой палате не является пропорциональным и не может им быть в силу асимметричного характера федерализма, существования наряду с республиками национальных автономий. Во-вторых, потому, что многие малые народы (“инородцы”) вообще не представлены, а в случае обеспечения такого представительства “палата станет слишком громоздкой”. Поэтому лучше вообще упразднить Палату национальностей и отменить право сессии, дабы эта идея “не будоражила горячие головы, не вызывала шовинистических настроений и не заиграла бы самостоятельных движений” (Оп 41. Д. 78. Лл. 5–5об.). С этим подходом коррелирует ряд предложений об объявлении русского языка общегосударственным языком.

Возврат к унитарному государству составлял основу позиции части русской белой эмиграции. В записке М. Иванина, присланной из Стамбула от 30 октября 1936 г., констатировалось, что сохранение в Конституции положений о самоопределении в форме отделения может стимулировать рост национального сепаратизма – вести к мобилизации членов “самостоятельных эмигрантских организаций: грузин, азербайджанцев, северокавказских горцев, крымско-казанских татар и прочих правоверных исламистов”. “Все эти многочисленные организации малых народностей, содержащиеся, главным образом, на средства польской казны, начали было совсем хиреть и в предвидении своего конца грязнить и грызть друг друга. Сейчас, в связи со ст. 17 проекта конституции, повсюду заметно оживление их деятельности и сплоченности. Кроме того, такое же повышенное настроение и усилившаяся подвижность наблюдается у широких, разных цветов и оттенков, украинцев” (Оп. 41. Д. 78. Лл. 5–6). Можно предположить, что эти аргументы были вполне созвучны представлениям Сталина, сложившимся еще в ходе разработки Конституции РСФСР 1918 г. и СССР 1924 г., когда он рассматривал федерализм как вынужденную уступку, форму автономизации, а в конечном счете – как инструмент перехода к унитарному государству. Но окончательное решение было сделано в пользу советской легитимности: “Исключить из Конституции статью о праве свободного выхода из СССР, – резюмировал Сталин, – значит нарушить добровольный характер этого союза. Можем ли мы пойти на этот шаг? Я думаю, что мы не можем и не должны идти на этот шаг” [Сталин 1936, с. 92].

Решение поставленной проблемы в рамках советской легитимности, как известно, было найдено не в отказе от идеи национального представительства и права сессии, но состояло в превращении федерализма в номинальный институт. Это открывало путь унитаристским тенденциям без их формального конституционного закрепления. В перспективе выяснилось, однако, что это решение не было оптимальным.

“Советский парламентаризм” – поворотный пункт в политической реформе

Понятие “советского парламентаризма” было сконструировано сталинской пропагандой для обмана Запада и, действительно, в известной степени с успехом реализовало эту задачу, будучи противопоставлено “фашизирующимся старым демократиям” [Акулов 1936]. Однако оно представляло определенный смысл и для внутривнутриполитического пиара.

Данная теоретическая конструкция, во-первых, вела к отказу от утопической ленинской идеи непосредственной демократии, осуществляемой будто бы путем регулярного созыва съездов советов. Идея отказа от съездов советов и ВЦИК, замены их двухпалатным Верховным советом сама по себе не решала вопроса о разделении властей и ответственности правительства. Отсюда понятны вопросы: считать новый институт некоторым аналогом парламента или продолжением советской системы? Различные решения отражены уже в выдвигавшихся названиях данного института. В одних проектах предлагалось назвать высший орган государственной власти СССР – “Высшим народным собранием СССР”, что актуализировало концепцию национального суверенитета, представленного законодательной ассамблеей парламентского типа (Оп. 41. Д. 78. Л. 1об.). Ряд предложений тяготел к введению некоторого функционального аналога системы разделения властей, при которой законодательная власть формально осуществлялась Верховным Советом – непрофессиональным эрзацем парламента, избираемого населением – на основе всеобщих выборов. В других проектах Верховный Совет предлагалось заменить на Народный Совет СССР, а советы трудящихся – на народные советы, опираясь на существующую структуру власти. В этом случае, однако, сохранялась неясность, как должны разрешаться законодательные конфликты между советами различного уровня. Поэтому в спорных случаях допускалось проведение референдумов по законам (Оп. 41. Д. 205. Лл. 71–81). Противоречия различных конструкций прослеживаются в интерпретации бикамерализма, в рамках которого становился теоретически возможным конфликт двух палат – Совета Союза и Совета Национальностей, а также места такого института, как Президиум Верховного Совета – играет он самостоятельную или, скорее, техническую роль.

Предложенная в конституционном проекте конструкция обозначила формирование института “коллективного президента”, в качестве которого представал Президиум Верховного Совета во главе с его председателем, однако эта модель сохранила многозначительную неопределенность в распределении полномочий соответствующих его элементов. Отсюда – возникновение ряда “неудобных” вопросов, на которые так и не был получен ответ. Среди них заслуживает внимание вопрос крестьянина Е. Кандыбы: “У меня и других товарищей, – писал он, – есть недопонимание по Конституции СССР. В 30-й статье сказано, что высшим органом государственной власти СССР является Верховный Совет СССР, в 47 статье сказано, что Президиум ВС СССР распускает Верховный Совет и назначает новые выборы. По этому пункту вытекают такие мысли, как же это может быть, если Президиум подчинен Верховному Совету и вдруг он распускает Верховный Совет” (Оп. 41. Д. 78. Лл. 8–8а). “Просьба разъяснить, – писали авторы обсуждения, – в каких случаях и когда подчинен Президиум Верховному Совету и когда подчинен Верховный Совет Президиуму” (Оп. 41. Д. 78. Л. 80). Разъяснения не последовало.

Другая сторона той же проблемы – выяснение соотношения Президиума Верховного Совета и его Председателя: имеет ли последний самостоятельную функцию. Поскольку официально институт Президиума определялся как “коллективный президент”, это вызвало недоумение и предложения ввести институт персонифицированного главы государства – “верховного Президента Союза”, предоставив ему права “по корректировке (контролю) деятельности Верховного Совета и решающую роль при разногласиях Советов”. Это позволяло приблизить всю конструкцию к аутентичной модели президентской системы. “Верховный Президент избирается гражданами СССР – депутатами на 4 года из лиц, наиболее выдающихся своими заслугами перед СССР и наиболее гениальных”. В рамках этой конструкции было выдвинуто “предложение Чрезвычайному Съезду избрать Верховным президентом СССР т. Сталина И.В.” (Оп. 41. Д. 78. Лл. 12–13).

Таким образом, при внешней демонстрации лояльности и полного соблюдения неписаных правил игры была фактически сделана попытка конституционно определить статус главы государства и ограничить власть диктатора мандатом американского президента. Но это совершенно не входило в намерения Сталина. Подобные предложения о всенародном избрании президента, – заключил он, – “не соответствуют духу

нашей Конституции”: “Президент в СССР коллегиальный – это Президиум Верховного Совета, включая и Председателя Президиума Верховного Совета, избираемый не всем населением, а Верховным Советом, и подотчетный Верховному Совету” [*Сталин* 1936, с. 104].

Особый круг обсуждавшихся вопросов – судебная власть, прокуратура, карательная система и принципы ее функционирования. Помимо официальной риторики об укреплении классового правосудия, представлен ряд конкретных предложений, отражающих стремление их авторов поставить процедуру следствия, вынесения судебных приговоров и их исполнения под определенный социальный контроль. В условиях подготовки и начала массового террора характерны предложения по ограничению прав карательных органов на арест и введению этой процедуры в какие-то правовые рамки. Поскольку “гражданам СССР обеспечена неприкосновенность личности”, – размышлял один из авторов, – “никто не может быть подвергнут аресту (в т.ч. и дисциплинарному) иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора”. Это значит, что “должностные лица органов НКВД и милиции отвечают перед судом за необоснованный арест граждан СССР, как за должностное преступление”. Поэтому должны быть конституционно обеспечены такие ценности, как “неприкосновенность жилища и имущества граждан СССР, проведение обысков только с санкции прокурора или постановления суда” (Оп. 41. Д. 93 Лл. 23–25). В ряде предложений (к ст.127 Проекта) чувствуется реакция на повседневный советский опыт: “При аресте обвинение должно быть представлено в течение 24 часов, не позже чем через 72 ч. В противном случае – арестованный должен быть немедленно освобожден” (Оп. 40. Д. 11. Лл. 142, 145).

В сакраментальном вопросе о том, какая инстанция должна давать санкцию на арест – суд, прокуратура или другие органы власти – не прослеживается единства. С одной стороны, допускается “предоставление права органам власти производить задержание лиц, совершивших преступление (убийство, кражи, хулиганство), с последующим уведомлением прокурора”, говорится об ответственности народного судьи, должностных лиц органов НКВД и милиции за необоснованный арест граждан СССР как за должностное преступление (Оп. 8. Д. 222). С другой стороны, подчеркивается недопустимость арестов граждан без санкции прокурора, в которой усматривалась защита от произвола власти. Эту идею впоследствии использовал прокурор А. Вышинский, поставивший выдачу подобных санкций на поток. Принципиальное значение имеет сам факт появления предложений об отмене смертной казни или ограничении сферы ее применения: “Смертная казнь в СССР, – настаивал один автор, – считается запрещенной. Смертные приговоры и расстрелы по закону разрешаются только в военной (боевой) обстановке и для особо тяжелых преступников, уличенных в кровавых злодеяниях” (Оп. 41. Д. 78. Лл. 20, 28).

Фактически “советский парламентаризм” предстает уникальным изобретением модели политической системы в рамках номинального конституционализма: формальные структуры власти несли все конституционные обязанности, не имея прав, реальные – имели только права, делегировав обязанности на нижестоящий “советский” уровень. А введение неопределенного эрзаца “разделения властей” и фиктивного института “коллективного президента” успешно камуфлировало неограниченную власть партийного вождя.

Оппозиционные мнения: выявление, стигматизация и пресечение

Особый интерес представляет позиция советских “диссидентов”, выступивших с критикой советской системы или отдельных ключевых положений конституционного проекта. Они могут быть разделены на три основных группы: во-первых, прямых противников Конституции (их мнение узнать трудно, поскольку большинство из них практически не принимали участия в “обсуждении”, считая его фарсом); во-вторых, категория сомневавшихся в предложенных установках (в основном, наивные люди, поверившие, что “обсуждение” имеет реальный характер, а их мнение может как-то

повлиять на ситуацию); в-третьих, категория лиц, в целом принимавших навязываемую схему, но пытавшихся корректировать ее в рамках советской легитимности по различным частным параметрам. Предложения первой группы отражены в сводках Комиссии под рубрикой “враждебных элементов”, вторые – определялись как “идеологически неустойчивые” и “сомнительные”, третьи – как “непонимающие” смысла предложенных конституционных положений.

“Враждебные предложения” представлены прежде всего острой критикой общественного строя и концепции однопартийной диктатуры. Комментируя главу 1 Проекта – “Общественное устройство”, Ф. Вселенный считал неприемлемым положение о “диктатуре пролетариата”: “Теперь, когда пролетарская революция завершилась, – писал он, – стоит вопрос: либо пролетариат установит продолжительное свое господство, прикрываясь Конституцией, либо должна быть полная демократия”. Разрешение дилеммы диктатуры и демократии предлагалось в виде следующей поправки: “Диктатура пролетариата свою миссию выполнила. Дальнейшее ее существование не является необходимостью и она упраздняется. Диктатура одного класса в СССР не допускается”. Если это предложение не будет внесено, подчеркивал он, Конституция окажется “более тонкой формой осуществления господства установившего свою диктатуру одного класса над всеми остальными гражданами СССР” (Оп. 40. Д. 14. Лл. 13–14).

В ряде предложений отмена диктатуры увязывалась с отказом от однопартийного режима и переходом к многопартийности. Инженер Глебов в письме на имя Конституционной комиссии писал: “Учитывая будущее, при установлении крупных государственных реформ, предпочтительно исходить из всех возможных следствий. Вот почему полезно предложить образование под сенью законодательных палат других политических партий, кроме коммунистической. Лучше предусмотреть условия их формирования открытыми путями. Иначе это проявление самодеятельности населения будет ютиться при общественных организациях иного назначения” (Оп. 40. Д. 12. Л. 185). Этот тезис вызвал острое внимание различных контрольных инстанций и представлен как типичное “враждебное” мнение в ряде закрытых аналитических сводок (Оп. 8. Д. 222. Л. 142).

Рекомендации о расширении самостоятельности и независимости общественных организаций формально не противоречили идеям Проекта, но рассматривались как “сомнительные” и таили определенный неконтролируемый подтекст, поскольку компартия так же формально представляла как “общественная организация”, но не могла рассматриваться как сопоставимый с ними институт. В некоторых предложениях по разделу об общественных организациях прослеживается влияние синдикалистских представлений, характерных для предшествующего этапа. Предполагалось “разрешить рабочим, трудовым крестьянам и всем остальным трудящимся всех народностей каждого государства, независимо от форм управления и строя на территории Союза ССР и союзных республик организовать промышленно-сельско-хозяйственные объединения (с последующей постановкой этого вопроса на обсуждение названных категорий трудящихся всех стран)” (Оп. 41. Д. 205. Лл. 37–38). Вопрос был связан с проведением альтернативных выборов – обсуждавшимся первоначально выдвижением ряда кандидатов в советы от “общественных организаций”. Тезис об альтернативных кандидатах был выдвинут Сталиным для западной аудитории как доказательство демократичности и конкурентности предстоящих выборов. “Очевидно, – заявлял Сталин, – избирательные списки на выборах будет выставлять не только коммунистическая партия, но и всевозможные общественные беспартийные организации. А таких у нас сотни” [Беседа... 1936, с. 20]. Он уверенно обещал “оживленную” избирательную борьбу, хотя зловещий смысл этой формулы стал ясен позднее. Вероятно, данный тезис породил неоправданные ожидания у участников “обсуждения” (с выдвижением соответствующих поправок), но вскоре, разумеется, был забыт.

Предложения, связанные с “непониманием” участниками “обсуждения” конституционных положений, охватывали значительную группу крестьянских выступлений. Они также могут интерпретироваться как оппозиционные, поскольку во многом опирались

на традиционную крестьянскую тактику “наивного монархизма”: под предлогом “непонимания” в силу своей первозданной “простоты” сложных конституционных конструкций, крестьяне, как было показано, ставили очень острые вопросы – о роспуске колхозов, возврате земли, свободе религиозной службы. Для этих предложений характерна острая критика местных властей, которые якобы не исполняют указаний верховной власти. Властям приходилось разъяснять, что зафиксированные в Конституции права не следует понимать в буквальном смысле. Только враги, объясняли они, требуют свободы совести или слова, истолковывая их как свободу веры, надеются на возврат отнятой собственности и скота или возврат земли и имущества, поддержки единоличников, открытия церковей (Оп. 8. Д. 222. Л. 126–142). В то же время власти были обязаны реагировать на политические вопросы, выдвинутые “народом”, наиболее трудными из которых оказывались принципы организации избирательной системы. Например, рабочие ставили вопрос: “Что значит прямые и тайные выборы? Как они могут проводиться?” (Оп. 8. Д. 222. Л. 1).

Недоумение вызывала процедура тайного голосования. Характерно объяснение колхозниками тайного голосования: “Тайное голосование проводится для того, чтобы мы голосовали, а не знали за кого” (Оп. 8. Д. 222. Л. 140). Были, напротив, чудачки, поверившие в серьезность голосования и даже предлагавшие технические усовершенствования этой процедуры. В письме инженера-электрика Курилова выдвигалось “рационализаторское” предложение упростить зафиксированную в проекте Конституции процедуру тайного голосования. Суть предложения, по его словам, сводится к следующему: «На столе перед каждым голосованием под кожущком (для обеспечения тайны голосования), в который свободно проходит рука, расположена кнопка, переключающая по желанию голосующего вперед “за” и назад “против”. Кнопка представляет собой простой прибор, пропускающий при нажатии определенное количество ватт-часов электрической энергии» (Оп. 8. Д. 222. Л. 7). Официальные структуры, вполне осознававшие опасность такого направления мысли, разъясняли, что тайные выборы – химера, поскольку враги народа не преминут использовать их возможности для дискредитации советской власти. Местные власти были вынуждены проводить специальные разъяснительные мероприятия во избежание “неправильного” понимания соответствующих положений.

Серьезное внимание участников “обсуждения” вызвал вопрос о возможных изменениях системы в ходе предстоящих по Конституции “всеобщих выборов” в органы власти. Одни увидели в выборах возможность демократизации режима. “Не следует ли подумать, товарищи, – писал крестьянин Кожухов, – в честь ознаменования Конституции сделать амнистию осужденным. Речь, конечно, не может идти о политических преступниках, уголовниках, трудноисправимых, однако о заключенных – правонарушителях (растратчики, халатники, если преступление совершено после 1936 г.) подумать следует. Можно с уверенностью сказать, что это возвратит 9/10 людей этого рода к честному труду, в армию равноправных советских избирателей” (Оп. 41. Д. 205. Л. 93).

Другие, демонстрируя лояльность, напротив, предлагали вернуться к ранее существовавшим ограничениям. Они мстительно настаивали на исключении из 136-й статьи проекта Конституции положения о “праве избирать и быть избранными независимо от прошлой деятельности”, так как это будет прощением классовых врагов, включая “зиновьевцев и троцкистов – подлых агентов гестапо”, духовенства и проч. (Оп. 41. Д. 205. Л. 40–41). Сомнения вызывал и возрастной критерий допуска на выборы: 18-летний возраст на право участия в выборах – “обычно принято считать недостаточным”, поскольку лица этого возраста не могут “находиться на должной высоте своего избирательного права” (Оп. 41. Д. 78. Л. 6). Все эти вопросы не имели никакого значения в номинальной избирательной системе, но сама их постановка показывает неоднородность советского общества в отношении ценностей права.

Закрепление когнитивного доминирования: стереотипы, символы, семантика в процессе коммуникации

Пиар-сопровождение любой кампании – праздник, юбилей, выставка, пресс-конференция – включает новостное освещение событий в СМИ, ее продвижение – создание такого рода событий, которые сами по себе интересны СМИ, но чей “провоцирующий” характер не очевиден аудитории. Принятие Конституции позиционировалось в СМИ как переломное событие, определяющее сознание населения на длительное будущее. Речь шла о “Новой эре” – радикальном разрыве с темным прошлым и наступлении светлого настоящего и будущего: “Со временем люди будут вести счет времени со дня утверждения Конституции: такое-то событие произошло после дня (утверждения) Сталинской конституции. Отныне Советский Союз будет маяком, куда народы всего мира будут с великой надеждой смотреть, как на страну социализма, как на братский союз народов, к которому может присоединиться всякий народ, желающий войти в эту социалистическую семью”. Это – “Конституция лучшая и величайшая из всех конституций, существовавших до сих пор на земле” (Оп 41. Д. 205. Лл. 89–90).

В ходе обсуждения менялась структура восприятия времени – соотношения прошлого и настоящего. Темное прошлое противопоставлялось светлому настоящему: с принятием Конституции “канули в вечность мрачные дни”, а “мечта о том, о чем думали ученые умы человечества, претворилась в жизнь” (Оп. 40. Д. 14). Предлагалось реформировать летоисчисление. «Счет времени от РХ, – считали участники дебатов, – неприемлем ввиду “отделенности у нас церкви от государства”». Предлагалось ввести “параллельно с Григорианским календарем обозначение года и по эре от Великой Октябрьской революции”. Поскольку Конституция закрепила принципы революции, – это “новая эра” и допустима “возможность введения в текст сталинской конституции указаний на новое летоисчисление” (Оп. 41. Д. 205. Лл. 51, 55–56, 63, 81).

В процессе обсуждения и принятия Конституции формировались новые коммуникации – символы, семантика, барьеры, стереотипы выражения идеологической преданности. Имелось в виду отметить “начало новой человеческой эры” реальным “осуществлением для всего человечества единого языка, а отсюда единой культуры, единой литературы, единой поэзии и единых нравов, обычаев и морали, единого международного права вообще, нечто новое в производственных отношениях возникновения новых городов и предприятий, в которых не было и не будет эксплуатации человека человеком, капиталистов, помещиков и т.д.” (Оп. 41. Д. 205). Мессианские амбиции коммунизма выражались в идее “создать единый интернациональный язык и чтобы его изучали все национальности помимо своего национального языка”, а “государственным гимном СССР признать интернационал” (Оп. 41. Д. 205. Л. 41), даже “перевести столицу СССР из Москвы в Киев” во имя интернационального воспитания и сближения наций (Оп. 41. Д. 205. Лл. 39–39об.), “переименовать Красную площадь в площадь присяги”, где каждый год рабочие “дают клятву и присягу в том, что они верны своему первому в мире правительству и в дальнейшем будут верны ему” (Оп. 41. Д. 205. Лл. 1–2).

Предпринимались систематические усилия по закреплению символики в сознании населения и визуализации соответствующих образов. Речь шла о введении обязательного изучения Конституции на всех уровнях образовательной системы, создании памятников Конституции. Инженер М. Финкель предлагал создать фильм о конституции, где «в динамике были бы показаны политические и социально-бытовые моменты разных эпох разных конституций разных народов в разрезе мировой истории, начиная допустим, от конституции древних фараонов (в России от “конституции” – законов Ярослава Мудрого) и доведя до нашего счастливого времени». Такой фильм ярко отобразит “в понятной миллионам форме великое, мировое значение сталинского документа”. Поступило предложение “весь текст статей конституции, как документ мировой важности, вырезать золотыми буквами на мраморных досках, укрепить последние на Красной площади, основные положения относительно прав трудящихся на всех европейских языках, укрепить доски на вокзалах, принимающих иностранцев” (Оп. 41. Д. 205. Лл. 61–62).

Корректирующая пиар-акция: концепция “скрытого врага” и способов его выявления

Одна из задач полноценной пиар-кампании – нейтрализация негативного влияния источника, вызвавшего проблему. Такой проблемой, безусловно, было противоречие коммунистического мифа и способа его реализации, точнее, отсутствие такового. Основная трудность состояла в ответе на вопрос, почему в социалистическом обществе “подлинной демократии” должно сохраняться государство в форме диктатуры? Как показал ход “всенародного обсуждения”, в общественном сознании не удалось преодолеть когнитивный диссонанс по этому вопросу, выразившийся в появлении “неконвенциональных” и оппозиционных предложений о необходимости радикального переустройства политической системы – отказа от однопартийной диктатуры и введения выборов на конкурентной основе. Целью корректирующей пиар-акции в ходе обсуждения Конституции стало навязывание двойных стандартов интерпретации конституционных положений (формальных и неформальных), выстраивание новой иерархии ценностей (знаменитое “двоемыслие”) и закрепление этих стандартов в рамках социальной и когнитивной адаптации индивидов. Методом было выделение в обществе группы скрытых “врагов народа”, средством – кампания по приданию их информационному и политическому остракизму.

Анализ корректирующей пиар-акции позволяет понять формирование образа врага, террор и механизм власти. Теоретическим обоснованием информационной сегрегации потенциальных оппонентов становилась, в стиле Французской революции, концепция противопоставления метафизической “воли народа” “врагам народа”, стремящимся повернуть поступательное развитие социалистического общества в реставрационном направлении. «С революцией, – разъяснял К. Радек, – можно быть “только целиком”, в противном случае – неизбежно “скапывание в клоаку контрреволюции”» [Радек 1935, с. 63]. Основной удар наносился по контрреволюции вообще – представителям белой эмиграции, “оппортунистов, гнилых либералов, двурушников, людей, погрязших в типе мешанского благополучия, политически разложившихся” [За новое качество... 1935], в первую очередь – по троцкистской и зиновьевской оппозиции [Пономарёв 1934, с. 9], а инструментом в этой борьбе стал общий призыв к “революционной бдительности”: “помнить о враге, всегда выкорчевывать его остатки, усилить во много раз нашу идейно-политическую и организационную работу” [Завершенный... 1934, с. 8].

Три когнитивных категории противников режима, официально сконструированные в ходе обсуждения Конституции, определяли подлежащие уничтожению социальные группы, ранжируя их по степени потенциальной опасности для конституционного (партийно-государственного) строя. Первая категория “двурушничества” обозначала внутрипартийную оппозицию и означала ее скрытое сотрудничество с классовым врагом при внешнем соблюдении стандартов классовой морали и конституционных ритуалов. Именно “двурушничество” определялось как наиболее опасный вид преступления, за которое полагалось не только изгнание из партии, но предание “революционному пролетарскому суду” [Ярославский 1935, с. 79]. Другой категорией оппонентов режима выступали сторонники “гнилого либерализма” – в основном представители старой “буржуазной” интеллигенции, которые в силу своего образования не принимали “двойной морали”, могли всерьез воспринять некоторые понятия советской Конституции, придавая им универсальный смысл вместо “классового”. Третьей, интегрирующей, категорией для обозначения всех разновидностей классового врага стало взятое из сельского хозяйства понятие “вредительства”.

В рамках концепции “скрытого врага” политические вредители, подобно их биологической разновидности, наделялись способностью к мимикрии в окружающей среде (соблюдению навязываемых конституционных и партийных ритуалов), что затрудняло их распознавание. “Ни один вредитель, – разъяснял Сталин, – не будет все время вредить, если он не хочет быть разоблаченным в самый короткий срок. Наоборот, настоящий вредитель должен время от времени показывать успехи в своей работе, ибо это – единствен-

ное средство сохраниться ему, как вредителю, втереться в доверие и продолжать свою вредительскую работу” [Сталин 1937, с. 13]. Основным способом этой деятельности по официальной версии становилось легальное внедрение (путем выборов) противников режима в советские учреждения с последующим изменением направления их деятельности. “Маскируясь под коммунистов, надевая личину наших друзей, они, – объяснял В. Молотов, – пробирались на важнейшие посты в советском государстве и в партийных организациях для того, чтобы обеспечить себе преступно-подрывную работу” [Молотов 1937, с. 22]. Это предполагало развитие такого важнейшего качества коммунистов-чекистов, как “умение распознавать врага, как бы хорошо он ни был замаскирован” [Выше большевистскую... 1936, с. 11]. Завершением контрреволюционной эволюции, по официальной версии, становится превращение оппозиции в антиконституционную группу национальных изменников – “агентуру фашизма” [Пономарёв 1936] или, по словам Вышинского, – в “агентов Гестапо”, действующих “во имя капиталистической реставрации, во имя восстановления в СССР капитализма” [Вышинский 1936, с. 27]. Между всеми тремя категориями оппонентов режима фиксировалась логическая взаимосвязь: “двурушничество” ведет к принятию стандартов “гнилого либерализма”, а последний проявляется в стремлении к подрыву основ Конституции и советского строя путем вредительства, осуществляемого внутренней оппозицией при поддержке внешних сил. Высшим символическим выражением этой логики стали события сенсационного пиара – инсценированные политические процессы над деятелями оппозиции, совпавшие по времени с началом “всемирного обсуждения” (процесс Г. Зиновьева) и его концом (процесс К. Радека).

Важность корректирующей пиар-акции состояла в том, что она позволяла объединить внутренних и внешних врагов режима, направив против них всю мощь негативного государственного пиара. Смысл сталинской конституционной инженерии и сопутствующего террора далеко не сразу стал понятен современникам. Охвативший население фальшивый оптимизм и “психоз вредительства” Л. Фейхтвангер связывал с “наивным патриотическим тщеславием советских людей”, отказываясь видеть в театральной инсценировке политических процессов проявление Сталиным чувства “неполноценности, властолюбия и безграничной жажды мести”. “Если Алкивиад, – резюмировал он, – пошел к персам, то почему Троцкий не мог пойти к фашистам?” [Фейхтвангер 1937, с. 28–32, 73–74]. Сам Троцкий схематично интерпретировал Конституцию и кампанию по ее обсуждению как проявление бонапартизма или бюрократического перерождения революционной власти, ошибочно полагая, что результатом станет реставрация буржуазных отношений и парламентаризм [Троцкий 1991, гл. X]. Более реалистичная картина была представлена беглыми чекистами, в частности А. Орловым, раскрывшими тайные пружины подготовки политических процессов [Орлов 1991] и их логическую взаимосвязь с политической кампанией по принятию Конституции “победившего социализма”.

Концепция “скрытого врага” как действенного инструмента когнитивно-информационного манипулирования опиралась на представление о политике как искусстве. Она соответствовала воззрениям Сталина на использование неограниченной власти для социального конструирования. “Искусство вождя, – разъяснялось в конституционных материалах, – заключается в том, чтобы противника рассмотреть при любой маскировке” (Оп. 40. Д. 13. Л. 292), продемонстрировав знание “форм борьбы, испытанную верность и силу характера” (Оп. 40. Д. 21. Л. 30). Такие оппоненты Сталина, как Н. Бухарин, определяли эту тактику как макиавеллизм и говорили о ее непригодности для широких социальных движений [Бухарин 1996, с. 322–323], дезорганизующей роли для революционной элиты, возвращении к средневековью и временам Борджиа [Троцкий 1990].

Но сталинское понимание политики как искусства вполне согласовывалось с использованными информационными технологиями. Таинственность принятия решений – выведение их из правового поля – становилась “элементом техники современного абсолютизма” [Левин 2008]. На замечание наивного Г. Уэллса о том, что коммунисты “влюблены в насилие”, Сталин заявил: “чтобы переделать мир, надо иметь власть”,

поскольку без нее нельзя “повернуть мир” [Сталин 1939, с. 18]. Эта “простота истинного искусства” была продемонстрирована Сталиным в беседе с А. Барбюсом [Барбюс 1936, с. 91]. Марксистская гибкость, заявил он в беседе с Э. Людвигом, не исключает использования опыта иезуитов, у которых “есть систематичность, настойчивость в работе”, хотя “основной их метод” – “слежка, шпионаж, залезание в душу, издевательство”, – не могут быть расценены коммунистами положительно [Сталин 1932, с. 37]. Именно поэтому Сталин и его идеологи ценили в Макиавелли не только отрицание морали и политический реализм, выражавшийся в апологии диктатуры [Радек 1934], но и понимание информационной техники ее осуществления, причем независимо от классового содержания. Двор “красного монарха” регулировался теми же законами жанра [Монтефиоре 2005].

Кульٹ личности и его социальные функции

Всякая успешная пиар-акция должна закончиться некоторой кульминацией – созданием миссии, формированием образа явления. Будучи инсценировкой, она должна завершиться апофеозом – обожествлением, прославлением, возвеличиванием какого-либо лица, события или явления. В эллинистической Греции и Риме апофеоз означал присвоение через официальный ритуал статуса Бога смертному человеку. В Риме выражался в культе императора. В театре кульминация имеет значение “венца события”. Именно такую роль выполнял институт культа личности в СССР, а его создание стало одной из главных целей кампании по “всенародному обсуждению” Конституции.

Во-первых, принятие Конституции и ее увековечивание связывались непосредственно с институтом вождя в его персонифицированной форме. В некоторых предложениях предлагалось назвать конституцию “ленинско-сталинской” (Оп. 40. Д. 205. Л. 60). Однако мертвый вождь был вскоре вытеснен из этой верноподданнической риторики. Решающее значение должен был получить именно действующий вождь. Доминирующим стало понятие “Сталинской конституции”, время ее празднования – “днем Сталинской конституции”, а формы и символика ее презентации однозначно увязывались с фигурой вождя: “...установить на стенах строящегося Дворца Правосудия монументальные таблицы с текстом Сталинской конституции”; “установить на главных площадях столицы специальные щиты с текстом проекта новой Конституции или отдельных глав и статей из нее” и “воздвигнуть в Москве Дворец Конституции им. Сталина”; “на одной из новых площадей Москвы или на Ленинских горах воздвигнуть гигантскую стену из вечного материала – бронзы, базальта, лабрадора – в честь Сталинского гения, в ознаменование новой Конституции, с подробным изложением ее текста в бронзе” (Оп. 40. Д. 11. Лл. 219–228). Проектировалось переименовать Москву в Сталинград, организовать специальные отделения в музеях, «назвать один из строящихся кораблей или дирижаблей им. “Сталинская конституция”» (Оп. 40. Д. 11. Л. 195).

Во-вторых, была представлена идея отразить фигуру Сталина в самой Конституции и государственной символике. Она не была беспочвенной ввиду подобной практики в законодательстве других авторитарных режимов эпохи – от основных законов Ф. Франко и А. Петена до закона о принципе фюрерства в нацистской Германии, фиксировавших не только институт вождя, но и его персональное воплощение. Предполагалось, например, увековечить имя Сталина в Конституции, записав в ней, что “высшим выразителем воли трудящихся является любимый вождь народов СССР – Великий Сталин”. Выдвигалась идея присвоить Сталину звание “первого почетного гражданина СССР”, наградить его многочисленными орденами, переименовать СССР в “Сталинский Союз ССР”, а Москву в “город Сталина” (Ф. 7523. Оп. 131. Д. 3. Лл. 1–97). Идея конституционного закрепления фигуры Сталина не получила реализации скорее всего потому, что он считал опасным юридическое оформление культа личности, предпочитая “метаконституционный” статус верховного жреца марксистского культа.

В-третьих, прослеживается упорное наделение Сталина сверхчеловеческими свойствами как “вождя всех времен и народов”, призванное превратить его в аналог религиоз-

ных пророков или библейских персонажей. Характерно в этом отношении одно из писем в газету “Известия” из Днепропетровской области: «Из древней истории видно, – писал его автор, – что когда-то был царь Соломон мудрый. Спрашивается, в чем выражалась его мудрость? Что он сделал вообще всему миру? Ничего. Он увеличил тяжесть жизни и эксплуатацию трудящихся. Зачем же его называть “Мудрым”? Я думаю, что мудрым надо называть тов. Сталина за то, что он вырвал власть из царских рук и устроил первое в мире пролетарское государство, за то, что он нам всем дал зажиточную, культурную и спокойную жизнь. За все это нужно назвать тов. Сталина “Иосиф Мудрый”. Мы этим покажем всем врагам нашу любовь к нашему Великому вождю» (Оп 41. Д. 186 Лл. 63–64). Один из участников обсуждения, впрочем, вспоминал Герострата: “Преклоняясь перед этим Великим честолюбцем в классовом обществе, – отмечал он, – я одновременно не одобряю его за то, что он поджег памятник искусства – хотя это был один из очагов сгущающегося мракобесия” (Оп. 41. Д. 205. Л. 43). Культ личности, по мнению разработчиков, решал задачу институционализации советских достижений – предотвращал угрозу “интервенции и реставрации”, жертвами которых пали все предшествующие социальные революции (Оп. 40. Д. 13. Лл. 283–284).

Культ личности стал завершающей фазой кампании политического пиара, охватив все стороны массовых коммуникаций, – информирование, образование, формирование установок, их закрепление, модификация поведения, планирование, принуждение, оценка, полномочия (авторитет). Результатом этой кампании стало создание конституционного мифа, неотделимого от сталинской легенды. Ее основу составляли определенным образом поданные реальные и мнимые события, обосновывавшие абсолютность и непререкаемость власти вождя, представавшего сакральным символом государства. Пиар-кампания под названием “всемирное обсуждение Конституции” демонстрировала успешность использованных информационных технологий “от двери к двери”.

Историческое значение кампании по “обсуждению” сталинской Конституции

Акция политического пиара под названием “всемирное обсуждение” Конституции имела целью управление конфликтом на макроуровне в таких категориях, как его институционализация, легитимация, редукция, нейтрализация. Фактически была предложена коммуникационная стратегия, направленная на распределение информационных потоков. Методом стало конструирование и навязывание новых стереотипов реальности – устойчивых, эмоционально окрашенных моделей ее восприятия. Функции кампании – контроль, манипулирование, мобилизация, легитимация, централизация власти, устранение оппозиции. Успех кампании стал возможен в результате сочетания ряда факторов – абсолютности власти, тотального контроля над информацией и использования аппарата в мобилизационных целях.

Тщательная разработка кампании включала все ее этапы от формулировки проблемы и тем обсуждения до детального продумывания этапов, форм и ожидаемых результатов. Кампания проходила под жестким контролем, содержала общие ориентиры и сегментированные установки, предлагая позитивные и негативные ориентиры различным социальным группам. Наряду с повседневным пиаром, использовался кризисный, дополнявшийся корректировочными акциями. Кампания завершилась внедрением четкого представления о миссии политического руководства страны и обоснованием легитимности его власти. Постоянно велись мониторинг общественных настроений, статистика, оперативно выявлялись и исправлялись дисфункции.

Кампания была, следовательно, организована и проведена на очень высоком уровне с точки зрения технологии политического пиара. В ее ходе преследовался ряд целей – перелом сознания, преодоление психологических барьеров, когнитивная редукция, закрепление новых стереотипов, нейтрализация оппонентов и противников, действенная мобилизация населения в поддержку режима. Поскольку основная идея кампании была утопией, а правовые нормы – фикцией, важной задачей стало закрепление в созна-

нии не только формальных норм, но и стереотипов их неформальной и семантически редуцированной трактовки (“двоемыслие”), фиксация приемлемых и неприемлемых установок поведения, поощрений и санкций за их игнорирование. Одновременно это позволяло власти установить, что население думало о предложенном “общественном договоре”, во всяком случае, по тем параметрам, которые не были жестко табуированы. Основным инструментом утверждения неформальных институтов и практик становилась параллельная корректирующая пиар-акция – выявление “скрытых врагов” и их стигматизация в ходе террора. Социальная дрессировка общества велась путем направленного разъяснения “хороших” и “плохих” практик.

Результатом стало достижение поставленных целей – радикальное переформатирование сознания; изменение представлений о пространстве (“страна победившего социализма”), времени (переписывание истории) и смысле существования (“новый человек”); социальное конструирование, легитимация режима. Шок и травма революции и гражданской войны были преодолены идеей стабильности – формальной институционализацией однопартийной диктатуры на неопределенный “переходный период”. Этими методами обеспечивалось когнитивное доминирование правящей группы, связанной жесткими коллективными стандартами (своеобразный “моральный кодекс” строителей диктатуры), кровавой круговой порукой (террор) и ритуалами (важнейшим из которых было само “обсуждение” Конституции). Апофеозом стал культ личности, социальная функция которого состояла в когнитивном закреплении “светской теократии” и сакрализации политической власти.

Главным результатом кампании следует признать создание конституционного мифа, определившего развитие советской правовой традиции вплоть до ее крушения. Конституция 1936 г. и пиар-акция, сопровождавшая ее принятие, создали прочные когнитивные рамки всего советского конституционализма, пересмотр которых (именно в силу его номинальности) оказывался невозможен без разрушения системы. Об устойчивости этих стереотипов свидетельствуют их позитивные оценки, спорадически появляющиеся как в российской, так и в западной прессе вплоть до настоящего времени. Без эффективного пересмотра этих представлений невозможно добиться полноценного поворота общественного сознания в сторону демократии, права и либеральных конституционных ценностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акулов И. (1936) Всенародное обсуждение проекта сталинской Конституции // *Большевик*. № 22. С. 8–19.
- Барбюс А. (1936) Сталин. Человек, через которого раскрывается новый мир. М.: Госполитиздат. Рец. И. Анисимова на эту книгу // *Большевик*. № 6.
- Беседа тов. Сталина с председателем американского газетного объединения “Скриппс-Говард ньюс-пейперс” г-ном Рой Говардом 1 марта 1936 г. (1936) М.: Партиздат ЦК ВКП(б).
- Бухарин Н.И. (1996) Тюремные рукописи Н.И. Бухарина. В 2 кн. М.: АИРО-XX. Кн. 2.
- “Выше большевистскую бдительность” (1936) *Передовая* // *Большевик*. № 16.
- Вышинский А. (1936) Агенты Гестапо // *Большевик*. № 18.
- “Завершенный круг измен и предательства” (1934) *Передовая* // *Большевик*. № 23.
- “За новое качество работы, за революционную бдительность” (1935) *Передовая* // *Большевик*. № 11.
- Левин М. (2008) Советский век. М.: Европа.
- Медушевский А.Н. (2010) Сталинизм как модель социального конструирования // *Российская история*. № 6. С. 3–29.
- Молотов В.М. (1937) Уроки вредительства, диверсии и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов // *Большевик*. № 8.
- Монтефиоре С. (2005) Сталин. Двор красного монарха. М.: РОССПЭН.
- Орлов А. (1991) Тайная история сталинских преступлений. М.: Всемирное слово.
- Пономарёв Б. (1934) О зиновьевской оппозиции и ее контрреволюционных подонках // *Большевик*. № 21. С. 52–64.
- Пономарёв Б. (1936) Троцкистско-зиновьевская банда – прямая агентура фашизма // *Правда*. 14 июня.

- Предложения трудящихся к проекту Конституции СССР (1936) // “Правда”. № 306.
- Радек К. (1934) Разговор Н. Макиавелли с Ж.-Ж. Руссо о демократии и диктатуре // Известия. 7 ноября 1934 г.
- Радек К. (1935) От оппозиции в клоаку контрреволюции// Большевик, № 3. С. 63–94.
- Сталин И. (1939) Беседа с английским писателем Г.Д. Уэллсом. М.: ОГИЗ. С. 18.
- Сталин И. (1932) Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом // Большевик. № 8. С. 37.
- Сталин И. (1937) О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников. Доклад на Пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 г. // Большевик. № 7. С. 13.
- Сталин И.В. (1936) О проекте Конституции Союза ССР. М.: Партиздат ЦК ВКП(б).
- Троцкий Л. (1990) Сталин. М.: Терра. Т. 1–2.
- Троцкий Л. (1991) Преданная революция. М.: НИИ культуры. Гл. X “СССР в зеркале новой Конституции”. С. 213–225.
- Фейхтвангер Л. (1937) Москва 1937. Отчет о поездке для моих друзей. М.: Художественная литература. С. 28–32, 73–74.
- Ярославский Ем. (1935) О двурушничестве и о борьбе партии со всеми его проявлениями // Большевик. № 5.

Law and Social Mobilization in the Totalitarian State: the “National Debate” over Stalin’s Constitution

MEDUSHEVSKY A.*

**Medushevsky Andrey* – doctor of sciences (Philosophy), tenured professor, the National Research University “Higher School of Economics”. Address: 20, Myasnickaya st., Moscow, 101000, Russian Federation. E-mail: amedushevsky@mail.ru.

Abstract

The “National debate” over 1936 Soviet Constitution can be interpreted as a skillfully organized and implemented PR-action, which resulted in the radical transformation of the Soviet consciousness. The construction of new social stereotypes based on the intensive information campaign combined with terror created the framework of Soviet legal and political system. The investigation of this experiment in target-oriented social engineering is important for theoretical and historical understanding of Stalinism as well as for the reconstruction of cognitive methods and manipulative technologies of the total power in general.

Keywords: Stalinism, nominal constitutionalism, social mobilization, PR-strategies, propaganda, information, manipulation, total power.

REFERENCES

- Akulov I. (1936) Vsenarodnoe obsuzhdenie proekta stalinskoj Konstitutsii [Nationwide Discussion of the Stalin’s Constitution Draft]. *Bolshevik*, no. 22, pp. 8–19.
- Barbyus A. (1936) Stalin. Chelovek cherez kotorogo raskryvaetsya novyj mir [Stalin. The Man through Whom the New World Opens] Moscow: Gospolitizdat. Anisimov I. Retseziya na etu knigu [Review on this Book]. *Bolshevik*, no. 6.
- Beseda tov. Stalina s predsedatelem amerikanskogo gazetnogo ob’edineniya Skripps-Govard nyus-pejpers g-nom Roj Govardom 1 marta 1936 g.* (1936) [Comrade Stalin’s Conversation with American Newspaper Union Chairman Mr Roy Govard from 1 March 1936] Moscow: Partizdat TsK VKPb.
- Buharin N. (1996) *Tyuremnye rukopisi N.I. Buharina. V 2 kn.* [Prison manuscripts of N.I. Bukharin in 2 volumes]. Moscow: AIRO-XX, vol. 2, pp. 322–323.
- Fejhtvanger L. (1937) *Moskva 1937. Otchet o poezdke dlya moih druzej* [Moscow 1937. Report on the Journey for My Friends]. Moscow: Hudozhestvennaya literatura.

- Levin M. (2008) *Sovetskij vek* [Soviet Era]. Moscow: Evropa.
- Molotov V. (1937) Uroki vreditelstva diversii i shpionazha yaponu-nemetsko-trotskistskih agentov [The lessons of espionage and sabotage of Japanese and German agents]. *Bolshevik*, no. 8.
- Montefiore S. (2005) *Stalin. Dvor krasnogo monarha* [Stalin. The Courtyard of the Red Tsar]. Moscow: ROSSPEN.
- Medushevskij A. (2010) Stalinizm kak model socialnogo konstruirovaniya [Stalinism as a model of social construction]. *Rossijskaya istoriya*, no. 6, pp. 3–29.
- Orlov A. (1991) *Tajnaya istoriya stalinskih prestuplenij* [The secret history of Stalin's crimes]. Moscow: Vsemirnoe slovo.
- Ponomaryov B. (1934) O zinovevskoj oppozitsii i ee kontrrevolyucionnyh podonkah [About Zinoviev opposition and its counter-revolutionary scum]. *Bolshevik*, no. 21, pp. 52–64.
- Ponomaryov B. (1936) Trotskistsko-zinovevskaya banda – pryamaya agentura fashizma [Trotsky-Zinoviev gang – the direct agents of fascism]. *Pravda*, 14.06.
- Predlozheniya trudyashchihya k proektu Konstitucii SSSR (1936) [The proposals of the working people to the draft Constitution of the USSR]. *Pravda*, no. 306.
- Radek K. (1935) Ot oppozitsii v kloaku kontrrevolyucii [From opposition to the counter-revolution cloaca]. *Bolshevik*, no. 3, pp. 63–94.
- Radek K. (1934) Razgovor N. Makiavelli s Zh.-Zh. Russo o demokratii i diktature [Talk N. Machiavelli with J.J. Rousseau about democracy and dictatorship]. *Izvestiya*, November 7.
- Stalin I. (1939) *Beseda s anglijskim pisatelem G.D. Uehllsom* [The Talk with the english writer G.D. Wells]. Moscow: OGIZ.
- Stalin I. (1932) *Beseda s nemetskim pisatelem Emilem Lyudvigom* [The Talk with the German Writer Emil Ludvig]. *Bolshevik*, no. 8.
- Stalin I. (1937) O nedostatkah partijnoj raboty i merah likvidatsii trockistskih i inyh dvurushnikov / Doklad na Plenum TsK VKP(b) 3 marta 1937 g. [On the Shortcomings of Party Work and Measured to Eliminate the Trotstkists and other Double-dealers / The report at the Central Committee of the Communist Party Plenum on March 3, 1937]. *Bolshevik*, no. 7.
- Stalin I. (1936) *O proekte Konstitutsii Soyuza SSR* [On the Soviet Constitution Draft]. Moscow: Partizdat CK VKP(b).
- Trotskij L. (1990) *Stalin*. T. 1–2. [Stalin. Vol. 1–2]. Moscow: Terra.
- Trotskij L. (1991) *Predannaya revolyuciya*. Chapter X, “SSSR v zerkale novej Konstitucii” [In the mirror of the new constitution]. Moscow: NII kultury, pp. 213–225.
- Vyshe bolshevistskuyu bditelnost' (1936) [Elevate the keep the bolshevists awakeness higher]. *Peredovaya. Bolshevik*, no. 16.
- Vyshinskij A. (1936) *Agenty Gestapo* [Gestao Agents]. *Bolshevik*, no. 18.
- Yaroslavskij Em. (1935) O dvurushnichestve i o borbe partii so vsemi ego proyavleniyami [On double-dealing and the party's combat against it]. *Bolshevik*, no. 5.
- Za novoe kachestvo raboty, za revolyucionnuyu bditelnost' (1935) *Peredovaya. Bolshevik*, no. 11.
- Zavershennyj krug izmen i predatel'stva (1934) [The complete circle of betrayal treachery]. *Peredovaya. Bolshevik*, no. 23.